

нравственныхъ средствахъ, земскіе люди создали первыхъ народныхъ учителей, первые рациональные учебники, впервые очерченную программу обученія и самыя методы преподаванія, сообразно условіямъ нашей жизни; все это создано на югѣ Россіи, и южно-русская школа послужила путеводнымъ свѣточемъ для всего остальнаго отечества“.

Все это показываетъ, что книга барона Корфа содержитъ въ себѣ очень много тенденціознаго, и потому самому не можетъ представить полезной пищи для педагоговъ русской народной школы.

И. Б.

МАРИНСКАГО ЧЕТВЕРОВАНГЕЛІЯ съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ В. Ягича. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ 1883.

Наконецъ-то, послѣ сорокалѣтняго почти ожиданія, славяновѣдѣніе дождалось изданія, и притомъ изданія образцоваго, одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянскаго письменности, именно глаголическаго Четвероевангелія, найденнаго въ 1844 — 1845 гг. В. И. Григоровичемъ въ Маринскомъ (Пресв. Богородицы) скитѣ на Аѳонѣ, а потому и извѣстнаго въ наукѣ подъ наименованіями Евангелія Григоровичева, Аѳонскаго, Маринскаго. Академику И. В. Ягичу посчастливилось соединить свое имя съ судьбами уже третьяго глаголическаго Евангелія, и мы смѣло можемъ сказать, что его труды по изученію Евангелій Ассеманіева, Зографскаго и Маринскаго, особенно же по изданію двухъ послѣднихъ, представляютъ самыя крупныя и долговѣчныя его вклады въ науку вообще, а славянскую въ частности. Нельзя не выразить при этомъ благодарности и нашей Академіи Наукъ за доставленіе г. Ягичу средствъ на столь роскошное изданіе великолѣпнаго славянскаго кодекса, не уступающаго по важности ни Ватиканскому, ни Зографскому Евангеліямъ. Отнынѣ кодексъ этотъ будетъ однимъ изъ краеугольныхъ камней славянскаго языковѣдѣнія и исторіи нашей церковной письменности.

Разсматриваемое изданіе Маринскаго Четвероевангелія состоитъ изъ трехъ частей: 1) введенія, 2) текста Четвероевангелія, съ подстрочными къ нему замѣчаніями и вариантами, и 3) приложеній палеографическаго, грамматическаго и лексикальнаго содержанія.

Во введеніи излагается исторія открытія и постепеннаго изученія Маринскаго Четвероевангелія. Тутъ мы узнаемъ между прочимъ,

что г. Ягичу помогать при изданіи кодекса его ученикъ г. Козловскій, принимавшій участіе и при изданіи Академіей Наукъ записокъ митрополита Іосифа Сѣмашка. Изъ другихъ данныхъ, сообщенныхъ издателемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду для правильной оцѣнки его труда, что, не говоря о многихъ меньшихъ отрывкахъ, появившихся раньше въ печати, все Евангеліе отъ Луки, занимающее стр. 186—312 разсматриваемаго изданія, было уже издано въ точномъ фотолитографическомъ воспроизведеніи въ 1881 г., какъ № 59-й и 79-й изданій Общества любителей древней письменности. Но изданіе это не было сопровождаемо кирилловскою транскрипціей, безъ которой въ настоящее время глаголическая рукопись бываетъ доступна лишь немногимъ присажнымъ любителямъ, и то болѣе въ Хорватіи, чѣмъ въ Россіи.

Затѣмъ мы узнаемъ изъ изданія г. Ягича, что, не смотря на сравнительную полноту евангельскаго текста, рукопись Маріинскаго Четвероевангелія, принадлежащая нынѣ Московскому Румянцевскому музею, не свободна отъ пробѣловъ: въ ней недостаетъ, во первыхъ, начала, заключавшаго Ев. Матѣ. I—VI, 16, вторыхъ, въ срединѣ Ев. Іоанн. I, 1—23, и третьихъ, конца, Ев. Іоанн. XXI, 17—25. Два листка изъ начала (Ев. Матѣ. V, 24 — VI, 16) оказались у проф. Миклошича въ Вѣнѣ, гдѣ они и списаны были для изданія г. Ягичемъ. Остальные пробѣлы пришлось пополнить изъ другихъ кодексовъ. При выборѣ этихъ кодексовъ г. Ягичъ остановился на Зографскомъ Евангеліи, какъ наиболѣе подходящемъ къ типу Маріинскаго; но первыя пять главъ (до V, 23) Матѣя, не находящіяся и въ Зографскомъ Евангеліи, заимствованы имъ изъ хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ рукописи Дечанскаго Четвероевангелія, XIII в. Къ сожалѣнію, причины такого именно выбора не объяснены издателемъ.

Текстъ изданъ съ полною палеографическою точностью, строка въ строку и буква въ букву, со вставкой лишь въ него нумераціи стиховъ и опущеніемъ отбѣговъ и приписокъ на поляхъ и подъ строкою, которыя приведены отдѣльно, въ приложеніяхъ, на стр. 407—415. Этимъ способомъ, конечно, значительно упрощенъ наборъ изданія и его оптическія достоинства, которымъ издатель придаетъ существенное значеніе (стр. 407); но эти преимущества едва ли искупаютъ недостатокъ той наглядности и полноты печатнаго воспроизведенія церковно-славянскаго текста, которой достигалъ, напримѣръ, Срезневскій при тѣхъ же типографскихъ средствахъ. Успѣхъ типо-

графскаго дѣла долженъ бы, кажется, выразаться въ увеличеніи, а не въ уменьшеніи буквальной точности и наглядности палеографическихъ (не каллиграфическихъ) изданій. Вѣдь дѣлалъ же г. Ягичъ, хотя и скрѣпя сердце (стр. 418), нѣкоторыя уступки этой точности, удержавъ, напримѣръ, надстрочные знаки, титла, четверточія и т. п. „палеографическія мелочи“. Для послѣдовательности слѣдовало бы сдѣлать еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи и помѣстить по крайней мѣрѣ всѣ первоначальныя отмѣтки при текстѣ рукописи, если не въ немъ самомъ, то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, существо дѣла отъ этой непослѣдовательности не особенно страдаетъ, такъ какъ издатель не лишилъ читателя возможности самому вписать въ соответствующія мѣста текста отмѣтки, подробно исчисленныя на стр. 406 и сл. рассматриваемаго изданія.

Способъ транскрипціи глаголическаго текста кирилловскими буквами удержанъ г. Ягичемъ тотъ же, какой примѣненъ имъ въ изданіи Зографскаго Евангелія. Это было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что Академія Наукъ приобрѣла изъ Вѣны матрицы того шрифта, которымъ напечатано въ Берлинѣ Зографское Евангеліе. Намъ шрифтъ этотъ не представляется столь совершеннымъ въ художественномъ отношеніи, какъ г. Ягичу (стр. XVI): на оборотъ, Остромировскій кажется намъ гораздо изящнѣе; но для удержанія усвоенной себѣ издателемъ и довольно дѣлсообразной методы передачи глаголическихъ начертаній кирилловскими шрифтомъ вѣнскій представлялъ большія удобства. За то мы вполне присоединяемся къ предпочтенію, которое оказалъ издатель шрифту церковному передъ гражданскимъ въ изданіи столь древняго памятника, хотя первый и уступаетъ послѣднему въ убористости и простотѣ: „Гражданскими типами пользоваться при изданіи столь древняго памятника мнѣ какъ-то не хотѣлось“, говоритъ онъ въ объясненіе этого предпочтенія (стр. XVI). Приятно видѣть, что такимъ образомъ сохранено то невольное, но естественное благоговѣніе, которое внушаетъ къ себѣ наша древняя азбука, вопреки вѣковымъ усиліямъ вытѣснить и уронить ее со стороны сначала Рима, а потомъ—Вѣны, и не смотря на всѣ теоріи о глаголическомъ прототипѣ кирилло-меоодіевской азбуки. Впрочемъ, г. Ягичъ не чуждается и гражданской азбуки въ транскрипціи древне-славянскихъ текстовъ: онъ пользовался ею въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, приводя варианты для текста Маріинскаго изъ пяти другихъ кодексовъ. Да это и не удивительно; при тѣсной исторической связи гражданского типа съ церковнымъ, почитатель послѣдняго при нѣкоторой

последовательности взглядовъ не можетъ быть противникомъ перваго, хотя бы тотъ и носилъ на себѣ печать „россійско-схизматическую“. Въ этомъ отношеніи г. Ягичъ имѣетъ рѣшительное преимущество передъ каноникомъ Рачкимъ и передъ г. Черничемъ, изъ коихъ первый издалъ Ассеманіево Евангеліе въ мало кому доступномъ глаголическомъ воспроизведеніи, а второй — въ неуклюжей латинской транскрипціи.

Точное воспроизведеніе текста издаваемой рукописи составляетъ, конечно, главное достоинство труда г. Ягича, но далеко не единственное. Собственно говоря, снятіе кирилловской копии съ рукописи, столь хорошо сохранившейся, какъ Маріинское Евангеліе, для столь опытнаго чтеца глаголицы, какимъ безспорно является г. Ягичъ, не представляло большихъ затрудненій и даже не требовало значительной траты времени. Печатаніе этой копии также не соединено было съ большими хлопотами, при содѣйствіи столь внимательнаго корректора, какимъ оказался г. Козловскій. Болѣе механическаго труда представило издателю подведеніе вариантовъ изъ пяти другихъ древне-славянскихъ евангельскихъ кодексовъ, именно: Зографскаго, Ассеманіева, Савина, Остромирова и Никольскаго съ Болонскимъ. Трудъ этотъ сдѣланъ очень добросовѣстно и значительно облегчить дальнѣйшія работы по изученію евангельскаго текста въ лексикальномъ и фразеологическомъ отношеніи. Правда, г. Ягичъ ограничился подведеніемъ лишь болѣе рѣзкихъ различій, оставивъ безъ вниманія второстепенныя, особенно чисто грамматическія ихъ отличія. Къ тому же и число кодексовъ, выбранныхъ для сравненія съ Маріинскимъ, не можетъ быть признано вполне достаточнымъ для исчерпывающей обработки славянскаго перевода въ указанномъ отношеніи. Но полноты, исчерпывающей столь трудную тему, нельзя и требовать отъ подстрочныхъ примѣчаній къ одному опредѣленному, а не сводному евангельскому тексту. Достаточно, что нашъ издатель, на раду съ архимандритомъ Амфилохіемъ, облегчилъ составленіе такого своднаго текста, которое можно считать теперь значительно подготовленнымъ и стоящимъ на очереди въ наукѣ.

Прежде чѣмъ перейти отъ текста Маріинскаго Евангелія къ приложеніямъ издателя, мы остановимся еще на одномъ нововведеніи его: это способъ передачи въ печати сплошнаго письма словъ въ рукописи. Прежніе издатели ограничивались при этомъ оставленіемъ промежутковъ между словами, не заполняя ихъ знаками соединительными или переносными. Г. Ягичъ самъ держался этого метода въ

Зографскомъ Евангеліи; но въ Маріинскомъ онъ ввелъ тире и печатаетъ, напримѣръ, въ срединѣ строки: мы оутолимъ-и (113), въ-истинѣ (110), бе-страха, из-д-рѣжы (195), предаме-и (98), избавиты-и (108), въ-инѣ (239), поемъ-и (143), дѣинтере-нѣ (143), рече-и (143), видѣвъ-и (166), сънемъ-и, обиты-и (183), и-чрѣва (190), въннде въ-нюдж (296), можето-сь (340), и т. п. При переносѣ же слова изъ строки въ строки онъ всегда вставляетъ переносную черту. Едва ли представляется какая-либо надобность подчинять въ этомъ отношеніи древніе тексты новымъ орфографическимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что издатель не счелъ нужнымъ замѣнить оригинальную интерпункцію рукописи знаками препинанія по господствующей теперь системѣ. Другое дѣло, еслибы г. Ягичъ измѣнилъ дѣленіе строкъ и, какъ это нерѣдко дѣлается, игнорируя старое, ввелъ свое особое, примѣнительно къ формату изданія. Но онъ этого не сдѣлалъ, печатая текстъ строка въ строку: не было никакой надобности при этомъ вводить переносные знаки, которые неопытный читатель можетъ, пожалуй, принять за принадлежность рукописи.

Нельзя вполнѣ согласиться съ крайнимъ дробленіемъ въ изданіи словъ на составныя части, особенно въ адвербіальныхъ выраженіяхъ. Такъ г. Ягичъ печатаетъ: въ инѣ вм. въинѣ (62 стр.), до колѣ (150 ср. 404), въ скорѣ (152 ср. 404), отъ кждоу (161), съ выше (322, 393), до селѣ (332), отъ селѣ (347), иде же (353, ср. 404), въ испрь (364), въ коупѣ (400), и т. п. Подобнаго рода дѣленіе словъ въ печати тѣмъ страннѣе, что рядомъ съ указанными формами мы встрѣчаемъ многочисленные случаи *scripturae continuae* даже тамъ, гдѣ она противорѣчитъ этимологическимъ началамъ, напримѣръ: нѣбсехъ (19, 20, 62, 323), вѣи вм. въ израили (28), гѣвмъ вм. гѣжвамъ (33), работъ (64), домотъ (125), надорось (144, 346), родось (171, 296), чѣвъвотъ (173), гѣось вм. глаголь съ (282), селвы, вм. се ли въ (341), и т. п.

Очевидно, что г. Ягичъ при изданіи не установилъ твердаго неизмѣннаго начала въ раздѣленіи выраженій на слова, то не доходя до естественныхъ ихъ траней, то переходя за оныя. Это, конечно, мелочь, но не лишняя значенія въ изданіи столь образцовомъ.

Приложенія къ изданію текста Маріинскаго Евангелія состоятъ изъ 4 частей: 1) отмѣтки при текстѣ, 2) о палеографическихъ особенностяхъ памятника, 3) о грамматическихъ его особенностяхъ и 4) словоуказатель. Объ „отмѣткахъ при текстѣ“ была уже рѣчь впереди. Здѣсь

мы отмѣтимъ, съ своей стороны, лишь то наблюденіе г. Ягича, что Маринское Евангеліе, судя по припискамъ на поляхъ, подъ строкой и т. д., съ явными признаками сербо-хорватскаго извода XIII и XIV вв., находилось съ древняго времени въ рукахъ сербскихъ, и притомъ съ XIV в. на Аeonъ, въ скитѣ Пресв. Богородицы (стр. 413), гдѣ оно и найдено было В. И. Григоровичемъ. На стр. 410 г. Ягичъ выражаетъ даже догадку, повторяемую и въ другихъ мѣстахъ приложений, что Маринское Евангеліе и „написано въ предѣлахъ тѣхъ странъ, гдѣ въ XI в. жили Хорваты и Сербы, по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь въ Босніи или южнѣе“. Дѣйствительно, на языкѣ этого памятника отразились нѣсколько вліяніе сербо-хорватскаго нарѣчія; но приурочивать его вслѣдствіе того къ Босніи, по нашему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній, или лучше сказать, никакой вѣроятности. Будь этотъ кодексъ переписанъ въ Босніи или иной чисто-сербской странѣ, на немъ отразились бы особенности мѣстнаго говора по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ на Остромировомъ, напримѣръ, Евангеліи. На самомъ дѣлѣ этого не замѣтно. Если исключить пять-шесть дюжинъ случаевъ смѣшенной буквъ ж и оу, то и не останется въ языкѣ Маринскаго Евангелія почти ничего сербскаго, кромѣ такихъ спорадическихъ и одиночныхъ формъ, какъ сега вм. сего (Марка VI, 14). Смѣшенія а съ е, составляющаго главную особенность сербо-хорватскаго извода, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ въ Маринскомъ Евангеліи: одного этого наблюденія достаточно для сомнѣній въ сербской родинѣ этого кодекса. Скорѣе онъ возникъ въ сѣверной Албаниі или сѣверной Македоніи, а то пожалуй, и на Аeonъ, въ средѣ болгарской, съ легкими лишь примѣсами элемента сербскаго. Нѣкоторымъ тому подтвержденіемъ служитъ кругловатый обликъ буквъ Маринскаго Евангелія, для котораго самъ г. Ягичъ (стр. 416) признаетъ мѣстомъ распространенія Македонію и Аeonъ, а не области сербско-хорватскія. Тотъ же выводъ получаемъ изъ наблюденій надъ правильнымъ употребленіемъ въ Маринскомъ Евангеліи буквы ѕ, характеризующей, по словамъ самого г. Ягича (стр. 420), именно говоръ Македоніи, но очень сомнительной—прибавимъ отъ себя—для говоровъ сербо-хорватскихъ.

На той же стр. 410 въ вышеприведенныхъ словахъ г. Ягичъ косвенно опредѣляетъ и вѣроятное время написанія Маринскаго Евангелія, именно XI в. Очень жаль, что издатель не остановился подробнѣе на этомъ вопросѣ и не представилъ доказательствъ означеннаго предположенія. Въ настоящее время глаголическое письмо

и письменность на столько уже разработаны, что можно бы попытаться такому ихъ знатоку, какъ г. Ягичъ, опредѣлить хоть въ сотняхъ лѣтъ, хронологическія даты самыхъ выдающихся памятниковъ, какъ Зографское, Ватиканское и Маринское Евангелія. При такомъ сравненіи едва ли оказалось бы возможнымъ относить первое и третье къ тому же вѣку, а скорѣе къ двумъ различнымъ, напримѣръ, Зографское Евангеліе къ XI в., а Маринское къ XII, быть можетъ—къ первой его половинѣ,

На стр. 418 г. Ягичъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ изъ условій палеографическаго изданія рукописей, утвердившихся со временъ Востокова въ Россіи, вопреки образцамъ и мнѣніямъ славистовъ западныхъ, напримѣръ, Шафарика, Миклошича и др. Къ числу такихъ излишнихъ палеографическихъ мелочей г. Ягичъ относитъ именно надстрочные знаки, знаки препинанія, даже титла. Къ счастью, этотъ взглядъ не обнаружилъ вліянія на способъ изданія рукописи. Издатель все-таки не рѣшался въ этомъ отношеніи сойти съ колеи проторенной его предшественниками по каедрѣ. И слава Богу! Ставъ разъ на почву изданій правленыхъ, а не палеографически точныхъ, мы незамѣтно дойдемъ, при логическомъ развитіи мысли, къ исправленію въ текстѣ описокъ и ошибокъ, къ восстановленію „правильнаго чтенія“ по личному усмотрѣнію и даже капризу, и въ концѣ концовъ, получимъ печатное воспроизведеніе не древней рукописи, а новаго, никому не интереснаго ея списка.

Относительно знаковъ препинанія я позволю себѣ замѣтить еще, что не исключена возможность соединить въ изданіи вѣрность палеографическую съ „интерпункціей рациональною“ (418), разставивъ, напримѣръ, знаки рукописи по срединѣ, а новые по низу строки, какъ это сдѣлано лѣтъ десять тому назадъ въ моемъ изданіи рукописи XIII словъ Григорія Богослова.

На стр. 423 г. Ягичъ утверждаетъ, что „писецъ Маринск. Евангелія постоянно смѣшивалъ“ буквы ж и оу, очевидно, произнося .ж какъ оу. Еслибъ это дѣйствительно было такъ, то мы должны бы отнести Маринское Евангеліе къ редакціи сербо-хорватской или русской, но не юсовой или—какъ выражается Миклошичъ—паннонской. На самомъ дѣлѣ смѣшеніе это встрѣчается хотя и очень часто, но отнюдь не „постоянно“, ибо 70—100 случаевъ его на рукопись въ 172 листа не представляютъ столь значительнаго количества, чтобы можно было употребить въ приведенномъ мѣстѣ слово „постоянно“. Изъ этого же слѣдуетъ, что и увѣренность г. Ягича въ босанской

или вообще сербо-хорватской родинѣ это памятника не можетъ считаться особенно основательною.

Столь же не убѣдительными представляются намъ доводы г. Ягича въ пользу возникновенія Маринскаго Евангелія „въ предѣлахъ штогавскаго нарѣчія сербо-хорватскаго языка“ (стр. 425): единственнымъ тому доказательствомъ служить употребленіе префикса оу вмѣсто въ въ двухъ мѣстахъ рукописи (оу селен жж и оуор жж с а). Вѣдь этапъ мы могли бы, пожалуй, отнести рукопись и къ южно-русскимъ, гдѣ тоже встрѣчается рано оу вм. въ, равно какъ и смѣшеніе, дѣйствительно „постоянное“, буквъ ж и оу. Странно, что встрѣчающееся въ Маринскомъ Евангеліи всего два раза употребленіе оу вм. въ кажется г. Ягичу „многозначительною опискою“ (стр. 428), а съ дюжину разъ встрѣчаемое употребленіе о вм. ж (стр. 424) представляется ему „несомнѣнною опискою“, не имѣющею никакого значенія при опредѣленіи діалектическихъ наслоеній въ этомъ памятникѣ. Столь же случайными описками считаетъ онъ и дюжину случаевъ смѣшенія ѣ съ ѣ, изъ коихъ десятокъ приходится на слово слышати (стр. 425), а между тѣмъ въ единственномъ случаѣ написанія въ-ноушию вм. въ оушию нашъ авторъ расположенъ видѣть уже не описку, а „всплѣтіе наружу“ звука н, якобы „изъ самаго предлога въ н—въ ж, собственно ѣ, ж“, хотя гораздо легче объяснить эту форму (если она не описка) вліяніемъ глагола въноушити.

Не извѣстно, почему г. Ягичъ считаетъ на стр. 425 слитное написаніе ассимилированныхъ или тождественныхъ гласныхъ, напри- мѣръ, иже-си вм. иже-еси, единого-тъ вм. единого-отъ, рече-и вм. рече-еи и т. п. „замѣчательною чертой, свидѣтельствующею о глубокой древности“ издаваемаго текста. Вѣдь на аналогичномъ основаніи можно бы утверждать, что формы стяженныя: добраго, читахъ и т. п. древнѣе формъ не стяженныхъ: добрааго, читаахъ и т. п.

На стр. 426 г. Ягичъ говоритъ объ „окончательномъ“, по его мнѣнію, „подтверженіи факта, давно уже подмѣченнаго Миклошичемъ, что въ старо-словенскомъ языкѣ паннонско-моравской и македонско-болгарской редакціи господствовало въ личной флексіи глаголовъ окончаніе ть вмѣсто древнерусскаго тъ“. Такимъ рѣшающимъ фактомъ являются для г. Ягича встрѣчающіяся въ Маринскомъ Евангеліи формы типа: избавиты-и вмѣсто избавить и, прѣдасты-и вмѣсто прѣдасть и, и т. п. Но вѣдь никто и не сомнѣвается въ твердомъ окон-

чаніи означенной флексіи въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ того времени, когда написано Маріинское Евангеліе, то-есть, въ XI—XII вв. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и за 200—300 лѣтъ раньше, во дни Кирилла Философа, въ той мѣстности, гдѣ господствовалъ въ живомъ употребленіи примѣненный имъ къ письменности церковно-славянскій языкъ, означенная флексія имѣла тотъ же твердый характеръ, а не мягкій, столь послѣдовательно выдержанный въ Остромировомъ Евангеліи и во многихъ другихъ памятникахъ, переписанныхъ, правда, на Руси, но съ изводовъ юго-славянскихъ? Вѣдь на аналогичномъ основаніи можно бы отрицать существованіе и въ древне-русскомъ флексіи ть, ибо черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Остромирова Евангелія мы видимъ въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого ть форму ть. Г. Ягичъ даетъ широкое примѣненіе особой теоріи о *vis latens* какого-либо исчезнушаго звука, разумѣя подъ этою „скрытою его силой“ способность при благоприятныхъ условіяхъ выйти снова наружу или воскреснуть въ какомъ-либо перезвукѣ, напримѣръ, въ видѣ ть изъ ѣ или е изъ ъ и т. п. Если эта „скрытая сила“ исчезнувшихъ звуковъ есть не мистическое, а реальное свойство языка, то мы легко можемъ объяснить форму емлетъ-и изъ емлетъ-и черезъ промежуточную форму емлетъ-и.

Задавшись мыслию, что Маріинское Евангеліе было написано непосредственно въ области сербо-хорватскаго нарѣчія, г. Ягичъ долженъ быть устранить само собою представляющееся возраженіе слѣдующаго рода: почему же въ Маріинскомъ Евангеліи глухіе Ъ и Ь замѣняются не въ А, какъ бы слѣдовало по сербски, а въ О и Е, то-есть, согласно съ звуковыми особенностями древне-болгарскихъ и древне-русскихъ говоровъ? Возраженіе это г. Ягичъ старается устранить (на стр. 428) предположеніемъ, что замѣна Ъ=О, Ь=Е „иллюстрируетъ только проявленіе книжное, господствовавшее въ известную эпоху времени лишь въ церковномъ, какъ въ книжномъ языкѣ“. Но если жизнь въ этомъ случаѣ столь рѣзко расходилась съ книгой, то спрашивается: почему же мы не встрѣчаемъ въ Маріинскомъ Евангеліи хотя бы изолированныхъ случаевъ торжества первой надъ послѣднею въ рассматриваемомъ отношеніи? Почему рядомъ съ десятками случаевъ написанія: вонъ, весь, день и т. п. мы ни разу не встрѣчаемъ написанія: ванъ, васъ, данъ или иного подобнаго? Почему Маріинское Евангеліе столь рѣзко отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ Остромирова и всѣхъ другихъ древнихъ памятниковъ, „попав-

шихъ въ теченіе времени въ другую этническую среду“, выражаясь словами г. Ягича (стр. 430)?

Нѣтъ, что-нибудь да не такъ: либо въ сербскомъ нарѣчій XI—XII вв. еще не было замѣны этимологическихъ *а* черезъ *е*, *ъ* и *ь* черезъ *а* и т. п., либо Маріинское Евангеліе возникло не въ сербской, а въ иной „этнической средѣ“.

Замѣчательно, какъ скоро ученныя гипотезы переходятъ иной разъ въ аксіомы, при нѣкоторомъ лишь напряженіи воли даже самыхъ осторожныхъ авторовъ. Г. Ягичъ, напримѣръ, считаетъ выраженную имъ гипотезу о книжной струѣ въ орографіи Маріинскаго Евангелія столь вѣроятною, что говоритъ даже: „Это происхожденіе попало къ Сербамъ и Хорватамъ несомнѣнно вмѣстѣ съ книгами изъ Панноніи“ и т. д. (стр. 428). Очевидно, что при произнесеніи магическаго слова „Панноніа“ въ душѣ нашего осторожнаго изслѣдователя оживаютъ воспоминанія довѣрчиваго отрочества и закрываютъ собою всё швы моравско-паннонской теоріи, которые при другихъ условіяхъ безъ труда бы разгладѣлъ глазъ столь опытнаго и внимательнаго наблюдателя.

На стр. 430 г. Ягичъ объясняетъ переходъ *ъ* въ *о* въ такихъ формахъ, какъ: родось, образось и т. п. „напоромъ ударенія“, считая впрочемъ это объясненіе лишь „вѣроятнымъ“. Для признанія этой вѣроятности мы должны предположить въ церковно-славянскомъ столь глубокія отличія отъ нынѣшней системы славянской акцентуаціи, между прочимъ и древнѣйшихъ ея представителей—русской и хорватской, что она становится очень невѣроятною. Едва ли потому кто-либо удовлетворится этою попыткой замѣнить не вполне ясный, правда, съ физиологической стороны терминъ: „замѣнительное усиленіе“ или „растяженіе“ терминомъ: „напоръ ударенія“.

На стр. 434 г. Ягичъ опять прибѣгаетъ къ теоріи *vis latens* для объясненія нѣкоторыхъ явленій, противорѣчащихъ его теоріи о глубокой древности сербо-хорватскаго *г сонанса* или сонанта *Р*. Онъ думаетъ, напримѣръ, что форма брѣние возникла изъ бръние или бръние не замѣною *ъ* или *ь* въ *е*, а „выходомъ наружу“ „скрытой силы“ при такомъ сонантѣ *Р*. Если мы однако станемъ на точку зрѣнія нашего автора и предположимъ, что уже во времена Кирилла Философа или времена близкія къ нему бръние выговаривалось какъ новосербское брѣние, то непонятно, какимъ образомъ изъ этого сонанта *Р* можетъ „выступить наружу“ давно уже исчезнувшій при немъ вокальный тембръ *е* или другаго чистаго гласнаго?

Говоря „о зависимости полугласныхъ предыдущаго слога отъ фізіологическаго характера гласной слѣдующаго слога“ (стр. 434), г. Ягичъ ссылается при этомъ только на свою статью о Зографскомъ Евангеліи въ Архивѣ славянской філологіи. Справедливость требовала бы упоминанія при этомъ и другихъ изслѣдователей, отмѣтившихъ раньше г. Ягича то же явленіе, напримѣръ, Срезневскаго, который на стр. 33 своихъ „Юсовыхъ памятниковъ“ прямо говоритъ: „Взаимную замѣну ѣ и ѣ можно отчасти объяснить мягкимъ произношеніемъ твердыхъ слоговъ передъ мягкими и твердымъ произношеніемъ мягкихъ слоговъ передъ твердыми, напримѣръ, съли вмѣсто съли, пръвок вмѣсто пръвок и т. п.“. Та же мысль не разъ и давно была выражаема академикомъ Я. К. Гротомъ и всѣми тѣми лингвистами или фізіологами, которые писали о необходимомъ взаимодействіи сосѣднихъ слоговъ, при преобладающемъ воздѣйствіи слога послѣдующаго на характеръ предшествующаго. Къ кому же обращаетъ нашъ академикъ свои укоризненныя слова на стр. 434: „Кто боится смотрѣть явленіямъ языка въ глаза прямо по памятникамъ... тѣмъ сдѣланное мною наблюденіе не поправилось; однакожь этимъ вопросъ не устраняется“ и т. д.?

На стр. 435 г. Ягичъ выражаетъ мнѣніе, что ѣ переходитъ въ е передъ и, если послѣднее принимаетъ значеніе русскаго й, напримѣръ, велен, крѣплен и т. п. Очень жаль, что ученый авторъ не развилъ доказательствъ превращенія—очень вѣроятнаго, но все же не доказаннаго еще—такого и въ й. Не мѣшало бы также объяснить отношеніе къ формамъ типа: велен формъ: велин, встрѣчающихся очень часто и въ Маринскомъ Евангеліи и наводящихъ на предположеніе, что еи могло здѣсь развиться не только изъ ѣи, но и изъ ии, для диссимиляціи, напримѣръ, или по иному фонетическому стремленію.

Несправедливо приписываетъ авторъ на стр. 435 сербскому вліянію передѣлку въ Маринскомъ Евангеліи сочетанія сц (изъ ск) въ стц, напримѣръ, ѣюденстѣи вмѣсто иудеистѣи или иудеистѣи: вѣдь самъ г. Ягичъ на слѣдующей страницѣ признаетъ сочетаніе сц въ древнѣйшихъ памятникахъ глаголическихъ и кирилловскихъ не-сербской редакціи (напримѣръ, Савина книга), а ст называетъ господствующимъ въ памятникахъ македонско-болгарскихъ, то-есть, допускаетъ оба сочетанія: сц и ст въ памятникахъ юсовыхъ одной и той же древней редакціи. То же констатировано уже давно Срезневскимъ въ „Юсовыхъ памятникахъ“ (161). Очевидно, что и

скрещеніе или смѣшеніе этихъ сочетаній въ видѣ стц могло образоваться на той же діалектической почвѣ и никакъ не можетъ служить доказательствомъ отстаиваемаго г. Ягичемъ сербскаго происхожденія Маринскаго Евангелія.

Вопросы, возбужденные, но не разрѣшенные г. Ягичемъ на стр. 437, о происхожденіи и первоначальной роли нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ, значительно приближены къ рѣшенію загребскимъ славистомъ г. Гейтлеромъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи: „Die Albanesischen und Slavischen Schriften“ (Wien, 1883).

Нѣсколько увлекается далѣе нашъ авторъ, „смѣло“ признавая на стр. 438 форму розьство вм. рождьство „отголоскомъ моравско-паннонскаго говора“, остаткомъ котораго онъ считаетъ и „замѣчательную описку визь“, якобы изъ „паннонско-моравскаго визь“. Прежде всего является тутъ вопросъ: существовалъ ли вообще когда-нибудь „паннонско-моравскій“ или „моравско-паннонскій“ (нашъ авторъ колеблется въ образованіи этого термина) говоръ, и если существовалъ, то принадлежалъ ли онъ къ сѣверо-западной или юго-восточной группѣ славянскихъ нарѣчій? Едва ли г. Ягичъ согласится признать „паннонскую“ основу церковно-славянскаго языка принадлежащею къ первой изъ означенныхъ группъ ¹⁾. А между тѣмъ это слѣдуетъ само собою изъ „паннонско-моравскихъ“ или „моравско-паннонскихъ“ формъ: розьство, визь. Или, быть можетъ, г. Ягичъ считаетъ дуализмъ сѣверо-западной и юго-восточной группъ славянскаго языка развившимся позже IX вѣка? Или наконецъ, онъ предполагаетъ существованіе въ Панноніи (съ Моравіей и даже Хорватіей, Славоніей, Срѣмомъ, по мнѣнію г. Ягича: стр. 428) въ IX вѣкѣ промежуточнаго говора между двумя вышеозначенными группами? Сомнѣваемся. Скорѣе всего г. Ягичъ употребилъ здѣсь свои термины: „моравско-паннонскій“ и „паннонско-моравскій“ въ значеніи чехословенскихъ говоровъ, слѣды которыхъ дѣйствительно замѣтны въ нѣкоторыхъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ, напримѣръ, въ глаголическихъ отрывкахъ Пражскихъ и Киевскихъ. Но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ ему было вставлять въ терминъ упоминанія о языкѣ паннонскомъ.

¹⁾ На стр. 443 онъ прямо говоритъ, что «старо-словѣнскій языкъ» принадлежитъ къ юго-восточной группѣ славянскихъ нарѣчій». На стр. же 447 г. Ягичъ называетъ Словенцевъ племенемъ «очень близкимъ къ старымъ паннонскимъ Словѣнамъ по географическому положенію и этническому родству».

Нѣтъ сомнѣнія, что розъство и визжь могли образоваться изъ рождьство и виждь на моравской основѣ; но не могло ли первое образоваться и самостоятельно, на почвѣ юго-славянской, черезъ формы: рож(дь)ство, розство? Что касается визжь, то можно ли дѣлать какіе-либо выводы изъ этого иписи въ памятникахъ, особенно автору, дающему столь широкое примѣненіе гипотезѣ „описокъ“, съ различіемъ лишь описокъ замѣчательныхъ и незамѣчательныхъ, смотря по ихъ отношенію къ теоріи сербскаго происхожденія Маріинскаго Евангелія? Если можно признавать опиской форму: слъшати, встрѣчающуюся въ памятникахъ болѣе десяти разъ, то почему же не признать опиской единичной формы визжь? Случается, впрочемъ, изрѣдка автору строить смѣлыя гипотезы на уникахъ и въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ отношенія ни къ сербо-хорватской, ни къ паннонской теоріямъ. Такъ на стр. 17, встрѣтивъ описку тѣ вмѣсто то въ выраженіи: аще оубо свѣтъ иже въ тебѣ тьма есть, тѣ тьма кольми, г. Ягичъ пишетъ въ примѣчаніи: тѣ зогр. то остр. асем. слав., съ тѣ сличи литовское таі. Итакъ, архаическая форма тѣ вмѣсто литовскаго таі уцѣлѣла въ одномъ лишь этомъ мѣстѣ Зографскаго и Маріинскаго Евангелій, хотя въ другихъ не менѣе древнихъ спискахъ мы находимъ тутъ правильное то. Можно ли назвать подобный способъ оцѣнки подходящихъ и неподходящихъ „описокъ“ особенно осторожнымъ?

На стр. 445 г. Ягичъ, самъ того не замѣчая, констатировалъ болгарское происхожденіе Маріинскаго Евангелія на основаніи многочисленныхъ случаевъ ассимилирующаго дѣйствія ѣ на е съ измѣненіемъ послѣдняго въ а, на примѣръ, разумѣвать вмѣсто -еть, дѣтата вмѣсто дѣтата и т. п. Подобное измѣненіе Е въ А подѣ влияніемъ предшествовавшаго Ъ, аналогичное измѣненіе Е въ А послѣ А же (на примѣръ, знаате вмѣсто -ете и т. п.) предполагаетъ въ Ъ участіе, даже преобладаніе вокальнаго тембра А, то-есть, выговоръ ѣ какъ ѣа (по мнѣнію самого г. Ягича, стр. 445), что возможно допускать о древне-болгарскихъ, но не о древне-сербскихъ говорахъ. Значительное число случаевъ подобнаго рода исключаетъ мысль объ „опискахъ“. Съ другой стороны, несогласіе подобныхъ явленій съ общеизвѣстными нормами церковно-славянскаго языка исключаетъ возможность для г. Ягича сослаться при этомъ на „книжное вліяніе“, какъ онъ это дѣлаетъ въ отношеніи къ глухимъ гласнымъ. Остается предположить одно изъ двухъ: или что Маріинское Евангеліе писано на почвѣ болгарскихъ говоровъ, или что оно переписано съ болгарскаго

оригинала. Мы предполагаемъ первое, г. Ягичъ—послѣднее: въ обоихъ случаяхъ является констатированнымъ болгарскій субстратъ этого памятника, его принадлежность къ болгарскому изводу церковно-славянскихъ рукописей, если не непосредственно, какъ намъ думается, то хотя бы посредственно.

Болгарскій характеръ памятника приходится г. Ягичу признать и на стр. 446 изъ множества форма типа трѣбоууть вмѣсто трѣбоукть. Ужели и этимъ „заразился“ сербскій переписчикъ отъ болгарскаго подлинника?

На стр. 447 г. Ягичъ опять пользуется совершенно одиночно опиской бжтъ вмѣсто бждтъ для подтвержденія своей гипотезы о происхожденіи словъ бждж изъ *бж *беши, *бетъ, основывающейся на словинскихъ формахъ: boh, boš, bo и т. д. Положимъ, гипотеза эта возможна: не слѣдуетъ ли изъ этой возможности ея несомнѣнность („я не сомнѣваюсь“ и т. д. стр. 447), какъ это допускаетъ нашъ авторъ? Ужели онъ не замѣчаетъ, что между формою новословинскою и праславянскою (по крайней мѣрѣ „доцерковнославянскою“) не имѣется никакихъ историческихъ звеньевъ, слѣдовательно, лежитъ пропасть, черезъ которую можно перекинуть фантастическій, а не реальный мостъ?

Изъ того обстоятельства, что въ глаголическихъ памятникахъ есть нѣкоторые архаизмы, напримѣръ, различіе въ дв. ч. глаголовъ 2 и 3 лл. (на та и те), нельзя дѣлать столь поспѣшнаго и явобы несомнѣннаго заключенія, что памятники глаголическіе вообще древнѣе „болѣе позднихъ кирилловскихъ“ (стр. 448), такъ какъ при логическомъ развитіи этой мысли пришлось бы утверждать, что XII вѣкъ древнѣе XI.

Не что иное, какъ смѣшеніе гипотезъ съ аксіомами, мы должны видѣть въ приемахъ почтеннаго нашего академика и на стр. 450 въ его утвержденіи, что „подлинникъ Остромировскаго Евангелія... былъ кирилловскій списокъ евангельскихъ чтеній, сдѣланный въ сѣверо-восточной Болгаріи въ X вѣкѣ, трудъ литературной эпохи Симеоновской“. Допускаемъ, что это очень вѣроятно, но доказано ли оно какими-либо документальными данными?

Не понимаемъ, почему г. Ягичъ, въ приложеніяхъ къ изданію текста Маріинскаго Евангелія, счелъ умѣстнымъ распространяться о разныхъ грамматическихъ вопросахъ, имѣющихъ такое же отношеніе къ этому Евангелію, какъ и къ любому другому древне-славянскому—глаголическому, а пожалуй и кирилловскому—тексту, на-

примѣръ, о причинахъ усиленія гласнаго въ сигматическомъ аористѣ и другихъ его особенностяхъ (стр. 452—454), о славянскомъ имперфектѣ (454—462) и т. п. Нѣкоторыя изъ изложенныхъ тутъ соображеній, безспорно, новы и цѣнны, но для нихъ мѣсто въ отдѣльныхъ статьяхъ ученыхъ журналовъ, а не въ приложенияхъ къ изданію Маринскаго Евангелія.

Послѣдніе (463—474) страницы приложений посвящены разсмотрѣнію особенностей „словообразованія и подбора словъ“ въ Маринскомъ Евангеліи, при чемъ г. Ягичъ желалъ представить образецъ „умѣнья читать съ толкомъ“ (стр. 474) и „заставлять проговорить“ (стр. 475) варианты лексикологическаго характера. Руководящею нитью для вариантовъ и замѣчаній нашего автора служило и здѣсь, какъ индѣ, его непоколебимое убѣжденіе въ первенствѣ кодексовъ глаголическихъ передъ кирилловскими, въ большей оригинальности первыхъ и вторичности, подражательности послѣднихъ. То же убѣжденіе служитъ для г. Ягича и основнымъ критеріемъ при опредѣленіи сравнительной древности того или другаго термина, приставки, оканчанія, хотя на словахъ (стр. 403) онъ и признаетъ при этомъ первенствующее значеніе „соображеній о личности переводчиковъ и народности окружавшей ихъ среды“. Встрѣчая, напримѣръ, въ средѣ вариантовъ два синонимные термина: блюдо и миса, изъ коихъ первое распространено главнѣйше у юго-восточныхъ Славянъ, а второе—у сѣверо-западныхъ, нашъ авторъ не колеблется признать послѣднее болѣе древнимъ, забывая, что Кириллъ и Меодій были Солуняне, проведеншіе большую часть жизни (первый почти всю) на почвѣ греко-юго-славянской и, слѣдовательно, гораздо скорѣе знавшіе терминъ блюдо, чѣмъ миса. Почти то же слѣдуетъ сказать и о мнимомъ первенствѣ формъ: братъ передъ брать, вельи передъ великъ (стр. 466), распать передъ пропать (ib.), балии передъ врачъ (468), шоуи передъ лѣвъ (470), ѣдро передъ скоро (ib.) и т. п. Арханзмъ извѣстнаго термина не ручается самъ по себѣ за то, что именно онъ былъ употребленъ св. Кирилломъ или другимъ первоавторомъ какого-либо церковно-славянскаго текста, такъ какъ архаизмы болѣе или менѣе равномерно—тогда, какъ и теперь,—были разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и не соединены непремѣнно въ одномъ говорѣ, положимъ, родномъ для славянскихъ первоучителей. Искусственно же собирать отовсюду залежи старины имъ не было никакой надобности, такъ какъ они были практическіе дѣятели, а не какіе любн-

тели или собиратели древностей. Эти соображенія не могут быть опускаемы изъ виду при опредѣленіи сравнительной древности кодексовъ глаголическихъ и кирилловскихъ. Если бы даже было доказано, что въ первыхъ общій обликъ языка древнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, то отсюда еще отнюдь не слѣдовало бы, что тѣ происходятъ изъ школы кирилло-меодіевской, а эти—изъ симоновской, какъ думаетъ, по видимому, г. Ягичъ. Если кодексъ типа, положимъ, Зографскаго Евангелія, при перепискѣ гдѣ-либо „въ сѣверо-восточной Болгаріи“ (стр. 450), могъ преобразоваться въ типъ Остромировскаго списка, то почему же не могло произойти аналогическое измѣненіе и съ кодексомъ послѣдняго типа при перепискѣ, напримѣръ, въ Албаніи, Далмаціи или—если угодно—въ Панноніи? Общій болгаро-македонскій характеръ церковно-славянскаго языка древнѣйшихъ, да и позднѣйшихъ кодексовъ гораздо легче объяснить болгаро-македонскимъ, чѣмъ „паннонско-моравскимъ“ или „моравско-паннонскимъ“ его происхожденіемъ. Мы легко объяснимъ себѣ, какимъ образомъ въ Панноніи и Моравіи на фонѣ болгаро-македонскій могли лечь наслоенія—впрочемъ, довольно рѣдкія и тонкія—говоровъ подкарпатскихъ и подальпійскихъ; но какимъ образомъ самая основа паннонско-моравскаго (на половину, слѣдовательно, сѣверо-западнаго) типа могла на югѣ преобразиться въ болгарско-македонскую, оставшись сама лишь въ скудныхъ остаткахъ,—этого повяты мы не въ состояніи.

Г. Ягичъ считаетъ подтвержденіемъ своей „паннонской“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „глаголической“ теоріи, даже то обстоятельство, что существуютъ кирилловскіе кодексы того же грамматическаго и терминологическаго типа, что и глаголическіе, напримѣръ, Савина книга, Хвалевое Евангеліе, Карпинское Евангеліе (475). Но кто же доказалъ или можетъ доказать, что эти кирилловскіе кодексы непременно происходятъ изъ глаголическихъ первоисточниковъ? Развѣ не возможно и обратное, то-есть, происхожденіе Евангелій Зографскаго, Ассеманіева, Маринскаго, на ряду съ Савиною книгой, кодексами Хвалевымъ, и Карпинскимъ, изъ первоисточника кирилловскаго? Письменность кирилловская и глаголическая представляютъ, безспорно, два рукава одной и той же рѣки; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы до раздѣленія потокъ этотъ имѣлъ непременно характеръ глаголическій: возможно, даже очень вѣроятно, противоположное.

Не вполне понимаемъ мы цѣль помѣщенія въ концѣ разсматриваемой книги подробнаго „Словочказателя“, въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ онъ изготовленъ авторомъ. Мысль сопровождать подобное

изданіе „Словоуказателемъ“ не нова: и въ Востокскомъ изданіи Остромирова Евангелія мы находимъ таковой, съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ отличался большею полнотою и для своего времени новизною. Но уже одно то обстоятельство, что церковно-славянское Евангеліе издано — именно Востокскимъ — съ присоединеніемъ самаго точнаго и подробнаго „Словоуказателя“, казалось бы, избавляло г. Ягича отъ необходимости вторично составлять и издавать таковой же. Положимъ, въ Маринскомъ Евангеліи есть нѣкоторыя главы евангельскаго текста, не находящіяся въ Остромировомъ спискѣ; но ихъ очень немного, и изъ-за нихъ составлять словоуказатель ко всему тексту не представлялось особенно нужнымъ. Несомнѣнно затѣмъ, что въ Маринскомъ Евангеліи есть слова и варианты совершенно чуждые списку Остромирову; но стоило ли изъ-за нихъ вновь перебирать весь лексикальный матеріалъ церковно-славянскаго перевода Евангелій, вмѣсто того, чтобы представить лишь дополнительный списокъ къ существующему Востокскому словоуказателю? Стоило ли, напримѣръ, приводить 60 цитатъ для доказательства, что абие значить *statim*, *continuo* и 25 цитатъ для абие въ томъ же значеніи? Стоило ли документировать 250-ми цитатами ту великую истину, что азъ означаетъ *ἐγώ, ego*? Еслибъ еще авторъ ограничился перечисленіемъ лишь категорій значенія или грамматическихъ формъ каждаго слова, съ достаточнымъ количествомъ примѣровъ или ссылокъ для каждой, то мы понимали бы научную цѣль такого словоуказателя; но приводить 250 доказательствъ того, что азъ означаетъ *ἐγώ*, это, кажется, совершенно излишне! Въ опроверженіе сказаннаго г. Ягичъ не можетъ сослаться на важность полноты указателей подобнаго рода, ибо онъ все-таки далеко не достигаетъ ея въ своемъ индексѣ. Тамъ, напримѣръ, при первомъ его словѣ: *a καὶ et, δὲ veq, autem* мы не находимъ не только многихъ, но и хотя бы одной цитаты, съ замѣною ихъ латинскою (почему не русскою? Вѣдь вся обстановка изданія предполагаетъ уже въ пользуемомъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ) фразою: *saepissime occurrat*, которая повторяется затѣмъ при *аще, бо, же* и многихъ другихъ словахъ.

Допуская въ однихъ случаяхъ столь общее и неточное обозначеніе цитатъ, г. Ягичъ для послѣдовательности долженъ бы ограничиться подобною фразою и при множествѣ другихъ словъ, напримѣръ, для архиерей въ значеніи *ἀρχιερεὺς*, богъ *θεός*, глаголати *λέγου* (занимаетъ 4 столбца) и т. д.

Главной цѣлю г. Ягича было при этомъ, по видимому, желаніе сдѣлать глаголическіе кодексы, хотя бы даже Маріинское Евангеліе, основой для изученія церковно-славянскаго языка со стороны грамматической и терминологической, оттѣснивъ на задній планъ кодексы кирилловскіе, особенно типа Остромирова Евангелія, въ которомъ панноно-глаголитисты“ видятъ самаго опаснаго соперника для Зографскаго и другихъ глаголическихъ кодексовъ той же редакціи. Задача эта не такъ однако легка; никому до сихъ поръ не удалось „сдѣлать хотя одного столь блестящаго изданія глаголическихъ памятниковъ, какъ Востоковское изданіе Остромирова Евангелія. Едва ли и самъ г. Ягичъ станетъ отрицать, что все же ни его Зографское, ни Маріинское Евангелія, не говоря уже объ Ассеманіевомъ въ изданіяхъ Рачкаго или Черничча, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ стать въ рядъ съ монументальнымъ изданіемъ Востокова: преимущество послѣдняго заключается не только въ палеографической точности воспроизведенія текста памятника, съ подборомъ соотвѣтствующаго ему греческаго оригинала, но еще болѣе въ полнотѣ и строгости грамматическаго и лексикальнаго къ нему комментарія.

Привѣтствуя въ заключеніе г. Ягича съ прекраснымъ изданіемъ столь важнаго памятника церковно-славянской письменности, мы позволимъ себѣ выразить желаніе и надежду, что оно будетъ лишь первымъ звеномъ въ длинной цѣпи русскихъ изданій этого ученаго, занявшаго нынѣ въ русской Академіи Наукъ кресло Востокова и Срезневскаго.

А. Будиловичъ.

Учено-литературныя новости по классической филологіи.

Hermann Fritzsche. Die SULLANISCHE GEBETZGEBUNG. 1882.

Цѣль этого труда—дать критическій очеркъ прежнихъ изслѣдованій о законодательствѣ Суллы. Чѣмъ короче извѣстія о немъ, тѣмъ больше расходятся мнѣнія. Фритче прежде всего говоритъ о законахъ и учрежденіяхъ, которые Сулла издалъ въ 88 году, а затѣмъ о ихъ возобновленіи въ 82—80 гг. Онъ разсматриваетъ сначала основы государственнаго устройства по законамъ Суллы, и затѣмъ уголовное законодательство и уголовный процессъ. Въ заключеніе помѣщены замѣчанія о законахъ, касающихся нравовъ.